

УДК 81'42:811.161.1

ББК 81.0

Л 20

Люликова А. В.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и украинской филологии с методикой преподавания Гуманитарно-педагогической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Ялта, e-mail: lulav06@mail.ru

Урбанистический дискурс поэмы Вен. Ерофеева «Москва - Петушки» (Рецензирована)

Аннотация:

Рассматриваются социальные и культурные детерминанты урбанистического дискурса поэмы Вен. Ерофеева «Москва – Петушки». В рамках культурологического и дискурсивного подходов выявлены экспрессивные интонации урбанистического пространства, возникающие в результате переосмысления традиционных для русской литературы образов и составляющие социально-психологическую антонимичность урбанистического дискурса поэмы. Впервые определяется экзистенциальный и психологический признаки топоса Москвы и провинциального топоса как основных форм репрезентации данного дискурса. Таким образом, урбанистический дискурс конкретизирован образом человека. Образ человека становится своего рода микрокосмом, а изображение различных форм поведения человека, его физиологических потребностей – еды, питья, пьянства – материализует урбанистическое пространство и вносит корректив дисгармонии в единство мира и человека.

Ключевые слова:

Город, топос, урбанистический дискурс, провинция, поэма, герой, пространство.

Lulikova A.V.

Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Russian and Ukrainian Philology and Teaching Methods, Academy of the Humanities and Pedagogics (branch) of V.I. Vernadsky Crimean Federal University in Yalta, Russia; e-mail: lulav06@mail.ru

Urban discourse of Ven. Erofeev's poem "Moscow – Petushki"

Abstract:

The article examines the social and cultural determinants of the urban discourse of Ven. Erofeev's poem "Moscow – Petushki". Within the framework of cultural and discursive approaches expressive intonations of urban space are revealed which arise as a result of a reinterpretation of traditional images for Russian literature and constitute social and psychological antonymism of the urban discourse of the poem. The scientific originality of the article is in determining the existential and psychological signs of topos of Moscow and provincial topos as the main forms of representation of the urban discourse of the poem. Thus, the urban discourse is concretized by the image of the person. The image of the person becomes some kind of microcosm, and the image of various forms of behavior of the person, his physiological requirements – food, drink, alcohol – materialize urban space and bring a disharmony amendment in unity of the world and the person.

Keywords:

City, topos, urban discourse, province, poem, hero, space.

В историю русской литературы Вен. Ерофеев вошёл как писатель, который жил и работал в советскую эпоху, но «он – один из очень и очень немногих русских писателей – в ней не остался» [1: 178]. Для современного читателя автор поэмы «Москва – Петушки» является культовым писателем, а его герой Венничка – культурным героем эпохи. Фабула поэмы, иронически определяемая как «ничего особенного: едет пьяница в электричке» [2: 76], продолжает оставаться причиной дискуссий и разногласий как среди литературоведов, так и читателей, нередко ставящих под сомнение художественную значимость и нравственный потенциал поэмы.

Появление поэмы Вен. Ерофеева ознаменовало начало постмодернистского периода в русской литературе. Возможность рассматривать поэму в контексте поэтики постмодернизма связана, в первую очередь, с характером конфликта, основанного на гротескном смещении онтологических категорий, в результате чего невозможно «отделить божественное от дьявольского, ангельское от демонического, а порядок от хаоса» [3: 315]. Моделируемый в поэме постмодернистский конфликт направлен на «устранение различий между людьми; по мере усиления соперничества характеристики, которые ранее отличали личность, начинают разрушаться, и антагонисты становятся «двойниками» друг друга» [4: 60]. Проблематика поэмы коррелирует с обозначившейся в литературе второй половины XX ст. тенденцией к разрушению «стереотипных представлений и о художественном творчестве, и о законах жизни общества и человека» [5: 191]

Своеобразие поэтики поэмы «Москва – Петушки» посвящены работы Н. Благовещенского, С. Бавина, С. Гайсер-Шнитман, А. Зорина, Ю. Левина, М. Липовецкого, Н. Шмильковой, М. Фрейдкина и др. Стремлением литературоведов понять авторские интенции и тем самым

помочь читателю в восприятии «интертекстуального слоя» [2: 77] поэмы объясняется появление такого количества комментариев, объём которых, по наблюдению И. Сухих, во многом превышает текст самой поэмы.

Поэма привлекает к себе внимание исследователей, прежде всего, потому, что представляет собой «единый текст, своеобразный центон, где смысл возникает <...> из столкновения иной раз прямо определимых <...> иной раз не опознаваемых глазом обычного читателя <...> фрагментов, создает впечатление единого потока, в котором все может быть цитатой, а может ею и не быть» [6: 46]. Сюжетно-композиционная структура поэмы так же, как и ее философско-религиозный аллюзивный характер, позволяет литературоведам провести аналогии с произведениями А. Радищева, Н. Карамзина, Н. Гоголя, М. Салтыкова-Щедрина, Ф. Достоевского, Л. Толстого, В. Маяковского, Вл. Ходасевича, М. Булгакова и др. Исследователи считают, что раскрытие ни культурных, ни биографических подтекстов не решает проблемы интерпретации мира поэмы как яркого образца постмодернистской литературной эпохи.

Обращение к вопросу о дискурсе поэмы Вен. Ерофеева обусловлено, в первую очередь, интерпретационным потенциалом данной категории, способной реагировать «на изменение детерминант – идеологических, культурных, этических и неизменно сопровождающих их – психологических, тесно связанных с человеческим фактором» [7: 56]. Одним из дискурсов, коррелирующих с образом человека в постмодерном пространстве и раскрывающих атрибутивные характеристики героя, является урбанистический дискурс. И в этой связи цель – определить социально-культурные детерминанты, конституирующие урбанистический дискурс поэмы Вен. Ерофеева «Москва – Петушки».

Формы дискурсивной репрезентации городского пространства поэмы раз-

нообразны и неоднородны, что обусловлено синкретичной природой самого города как культурного феномена. В системе гуманитарного знания город функционирует как «сложный социальный организм, и как поле политических битв и манифестаций, и как средоточие культурных и цивилизационных достижений, и как пространство особого языка и особой речи» [8: 221]. Структуру урбанистического дискурса определяет целый ряд городских образов или, по словам Д. Замятина, «ментальных комплексов» [8: 221].

О неоднородности урбанистического дискурса свидетельствует ещё один факт – исключительная способность города быть средоточием цивилизации. О центрирующей роли города пишет в своей книге «Закат Европы» О. Шпенглер. Учёный указывает на право принимать «великие духовные решения» лишь трёх-четырёх мировых городов – это те города, которые вобрали «в себя всё содержание истории; по отношению к ним вся остальная территория культуры низводится до уровня провинции» [9: 187]. Мировой город концентрирует в себе жизнь страны и наряду с провинцией является основным понятием цивилизации.

Семантикой мирового города наполнен урбанистический дискурс поэмы Вен. Ерофеева «Москва – Петушки». Действие поэмы начинается в Москве, затем география повествования сужается до пространства вагона поезда, в котором главный герой надеется добраться до станции Петушки, но, не доехав до места назначения, снова оказывается в Москве на Курском вокзале. Концепция мирового города находит выражение в деструктивном характере художественного пространства Москвы. В ее пределах не существует традиции в той мере, которая свойственна провинции и посредством которой формируются дифференциальные признаки провинции и мирового города. Неприятие культуры реализуется посредством утверждения натура-

листических взглядов, которые в условиях мирового города имеют первостепенное значение во всех социальных вопросах и в большинстве случаев восходят «к первобытным инстинктам и состояниям» [9: 188], и является выражением «совершенно новой, поздней и лишённой будущего, но неизбежной формы человеческого существования» [9: 189].

Деструктивный характер пространства Москвы обусловлен интонациями разочарования, бессмысленности и растерянности, определяющими психологическое состояние героя, когда он принимает решение уехать из Москвы: «Да и что я оставил – там, откуда уехал и еду? Парудохлых портянок и казённые брюки, плоскогубцы и рашпиль, аванс и накладные расходы – вот что оставил!» [1: 43]. Эмоциональное пространство топоса Петушки образуют совершенно противоположные настроения: «А что впереди? что в Петушках <...> рыжие ресницы, опущенные ниц, и колыхание форм, и коса от затылка до попы <...> зверобой и портвейн, блаженства и корчи, восторги и судороги» [1: 43]. Эмоциональная антитетичность топоса Москвы и топоса Петушки является определяющей в структуре урбанистического дискурса поэмы. Со станцией Петушки связана надежда героя на обретение спасения: «Поезжай, поезжай в Петушки! В Петушках – твоё спасение и радость твоя, поезжай» [1: 42].

Провинциальная семантика топоса Петушки противопоставлена экзистенциальному вектору Москвы. Петушки в сознании Венички – это «место, где не умолкают птицы ни днём ни ночью, где ни зимой ни летом не отцветает жасмин. Первородный грех – может, он и был – там никого не тяготит» [1: 42]. В описании провинциального пространства Петушков очевидно звучат утопические интонации, сближающие Петушки с таким местом, где утопически-идеальное сливается в единстве с реальным. Этот город дистанцирован и недостижим, герой неоднократно го-

ворит о своем желании оказаться в Петушках как можно быстрее, путь в Петушки кажется герою необыкновенно долгим: «Царица небесная, как долго ещё до Петушков» [1: 43]. Утопический характер топоса Петушки реализуется, в том числе, и в последних главах поэмы, повествующих о том, как вместо того, чтобы выйти на перрон на станции Петушки, главный герой неожиданно для себя осознает, что снова приехал в Москву. Данной смысловой антитезой маркировано в целом психологическое пространство – составляющей урбанистического дискурса поэмы.

Топос Москвы отличается предельной конкретизацией пространственных координат. Путь героя пролегает от Савеловского, где он выпивает стакан зубровки, на Каляевскую, где выпивает «другой стакан, только уже не зубровки, а кориандровой» [1: 9], далее на улицу Чехова – здесь герой признается, что отчетливо помнит, как выпил «два стакана охотничьей» [1: 10], задается вопросом, мог ли, не выпив ничего, пересечь Садовое кольцо и проследовать на Курский вокзал.

В урбанистическом дискурсе поэмы пространство функционирует как жизненное пространство, наполненное пристрастиями героя, для которого важно помнить «что и где я пил? и в какой последовательности?» [1: 10]. Героя особенно расстраивает не то, что к Курскому вокзалу он так и не вышел, и не то, что «проснулся утром в чьем-то неведомом подъезде» [1: 10]. Обиду вызывает его личное неведение – «Во благо ли себе я пил или во зло? Никто этого не знает и не узнает», соизмеримое с общерусским – «Не знаем же мы вот до сих пор: царь Борис убил царевича Дмитрия или наоборот?» [1: 10–11].

Эмоциональная привязанность к определенным местам в городе позволяет выделить освоенные места и связанные с ними повседневные практики. Таковыми, например, являются вкусовые предпочте-

ния героя, который «как только вышел на Савеловском, выпил для начала стакан зубровки», потому что по опыту знает, что «в качестве утреннего декокта люди ничего лучшего еще не придумали» [1: 9].

В начале поэмы герой сетует на то, что «сколько раз уже (тысячу раз), напившись или с похмелью, проходил по Москве с севера на юг, с запада на восток, из конца в конец, насквозь и как попало – и ни разу не видел Кремля» [1: 9]. Как пространственная и идеологическая доминанта Кремль в поэме приобретает иллюзорный характер. Мотив иллюзорности Кремля представляет собой одну из авторских интенцией переосмысления, ставших давно традиционными для русской литературы 70-х гг. XX в. образов Кремля и Красной площади. В контексте рассматриваемого мотива образ Кремля в поэме Вен. Ерофеева становится символом смерти. С образами Кремля и Красной площади связаны последние минуты жизни героя, который, пытаясь бегством спастись от преследующих его четырех незнакомцев, все еще надеется на то, что он в Петушках: «А может быть, это все-таки Петушки <...> Очень может быть, и в самом деле Петушки?» [1: 173]. Однако герой осознаёт – «не Петушки это, нет!», когда видит Кремль, сияющий «во всем великолепии» [1: 173].

Таким образом, урбанистический дискурс конкретизирован образом человека. Образ человека становится своего рода микрокосмом, а изображение различных форм поведения человека, его физиологических потребностей – еды, питья, пьянства – материализует урбанистическое пространство и вносит корректив дисгармонии в единство мира и человека. Город функционирует в роли социально-культурного топоса со строго ритуализированным типом социальных отношений и стандартизированным образцом поведения литературных героев.

Примечания:

1. Ерофеев В. Москва – Петушки: поэма / вступ. ст. А. Гениса. СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2014. 192 с.
2. Сухих И. Заблудившаяся электричка (1970. «Москва – Петушки» В. Ерофеева) // Звезда. 2002. № 12. С. 76–85.
3. Липовецкий М. Паралогии: трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920-2000-х годов. М.: Новое лит. обозрение, 2008. 848 с.
4. Fleming Ch. Rene Girard: Violence and Mimesis. Cambridge: Polity Press, 2004. 224 p.
5. Пшизова А.К., Ачох Б.Д. Трансформации романной формы в современной отечественной литературе // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2016. Вып. 4. С. 190–195.
6. Богомолов Н. «Москва – Петушки»: историко-литературный и актуальный контекст // Новое литературное обозрение. 1999. № 38. С. 45–50.
7. Синельникова Л.Н. Признаки дискурсивной матрицы гуманитарного пространства нового века // Политическая лингвистика. Екатеринбург: Изд-во Уральск. гос. пед. ун-та, 2009. № 3 (29). С. 56–68.
8. Замятин Д. Культура и пространство. Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. 488 с.
9. Шпенглер О. Закат Европы: пер. с нем. / под ред. А.А. Франковского. М.: Искусство, 1993. 298 с.

References:

1. Erofeev V. Moscow – Petushki: a poem / introductory article by A. Genis. SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2014. 192 pp.
2. Sukhikh I. The Lost Train (1970. “Moscow – Petushki” by V. Erofeev) // Zvezda. 2002. No 12. P. 76–85.
3. Lipovetsky M. Paralogies: Transformation of the (Post)modernist Discourse in Russian Culture of the 1920–2000s. M.: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2008. 848 pp.
4. Fleming Ch. Rene Girard: Violence and Mimesis. Cambridge; Malden: Polity Press, 2004. 224 pp.
5. Pshizova A.K., Achokh B.D. Transformations of a novelistic form in contemporary national literature // Bulletin of Adyghe State University. Ser. 2: Philology and the Arts. 2016. No 4. P. 190–195.
6. Bogomolov N. “Moscow – Petushki”: historical-literary and actual context // Novoe Literaturnoe Obozrenie. 1999. No 38. P. 45–50.
7. Sinelnikova L.N. The signs of the discursive matrix of humanitarian space of the new century // Political Linguistics. Ekaterinburg: Publishing House of the Ural State Pedagogical University, 2009. No. 3 (29). P. 56–68.
8. Zamyatin D. Culture and space. Modelling of geographical images. M.: Znak, 2006. 488 pp.
9. Spengler O. The Decline of Europe: transl. from German /ed. by A.A. Frankovsky. M.: Iskusstvo, 1993. 298 pp.